

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. А. Ф. Ефремов, Язык Н. Г. Чернышевского, Ученые записки Саратовского государственного педагогического института, вып. XIV, Саратов, 1951, стр. 380.

Изучение языка великих русских писателей — одна из актуальных задач советского языкознания. В статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» В. И. Ленин, давая отповедь буржуазным либералам, пытавшимся прикрыть реакционное требование обязательного государственного языка фарисейскими похвалами русскому языку, писал: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»¹. Таким образом, в общий ряд крупнейших мастеров слова, замечательно использовавших богатство и выразительную силу русского национального языка в своей борьбе за развитие передовой культуры русского народа и много сделавших для совершенствования русского языка, В. И. Ленин ставит и великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского.

Революционная деятельность Чернышевского, его глубокий и оригинальный вклад в развитие материалистической философии и самых разнообразных областей научного знания, его философские, экономические, общественно-политические, этические, эстетические воззрения, идеи и образы его художественных произведений явились предметом серьезного изучения в советские годы. Наши представления о Чернышевском как о великом революционере-демократе и гениальном русском ученом значительно обогатились и углубились в ходе этого исследования, опирающегося на основополагающие высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но в области изучения языка и стиля произведений Чернышевского сделано еще очень мало. В имеющихся работах отразилась теоретическая путаница, царившая в нашей науке до появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, неразработанность многих коренных вопросов истории русского литературного языка, неумение многих наших языковедов и литературоведов правильно поставить и осветить вопросы словесно-художественного мастерства писателей, вообще недостаток в недавнем прошлом серьезного внимания к этим вопросам. Вот почему и в литературе о Чернышевском до сих пор отсутствовали работы, в которых было бы показано его стилистическое мастерство, особенности яркой и страстной его речи, были бы очерчены языковые средства, с помощью которых он всегда умел довести до сознания читателей свои передовые идеи, несмотря на многочисленные рогатки и препоны царской цензуры. Советская наука разоблачила попытки реакционной критики игнорировать языковое мастерство Чернышевского, представить его стиль как якобы небрежный, тяжеловесный, вялый, «семинарский». Но советский читатель до сих пор ожидает положительного описания и анализа достоинств словесно-художественного стиля Чернышевского, содержательной и разносторонней оценки его языковой манеры, его приемов использования и обработки речевого материала русского общенародного языка. В таких работах остро нуждается наша школа; они имеют существенное значение и при переводах работ Чернышевского на языки различных народов Советского Союза и стран народной демократии; это важно, наконец, для углубления и расширения наших общих представлений о Чернышевском — одном из величайших представителей русского народа, которыми по праву гордится наша страна.

Вполне понятен поэтому тот интерес, который вызвало к себе недавно появившееся большое исследование проф. А. Ф. Ефремова о языке Чернышевского. Но знакомство с этой книгой принесет читателю большое разочарование: в ней нет цельной и отчетливой характеристики языкового мастерства Чернышевского, определения типичных особенностей его художественной и публицистической речи.

В чем источник неудачи проф. Ефремова? Книга представляет собой издание его докторской диссертации, защищенной в 1945 г. Уже тогда, на диспуте, отмечались недостатки работы, которые требовалось устранить. С тех пор прошло более пяти лет.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 55.

Состояние кризиса и застоя в советском языкознании, вызванное господством марровского «учения» и аракчеевским режимом, установленным последователями и «учениками» Н. Я. Марра, сменилось небывалым оживлением и подъемом языковедческой работы в нашей стране в результате появления гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С большой энергией советские языковеды взялись за разработку многих важных научных вопросов в свете великих идей сталинского учения о языке. Что же сделал проф. Ефремов? Он поспешил издать свою работу, законченную пять лет назад, без сколько-нибудь серьезной переделки и переработки, с теми же существенными недостатками, которые сейчас, в новой обстановке, в условиях подъема теоретической работы по языкознанию, выступают особенно резко.

В настоящей рецензии мы постараемся ответить на вопрос, почему книгу проф. Ефремова нельзя, к сожалению, считать тем исследованием о языке Чернышевского, которого давно ожидает советский читатель.

Проблема языка писателя, вопросы соотношения языка и стиля художественной литературы и публицистики, места и методов их изучения в общем комплексе различных языковедческих и литературоведческих дисциплин являются сейчас наиболее острыми и актуальными². До появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания в этой области изучения часто наблюдалось отождествление идейного содержания литературы с ее материалом, языком, «беспорядочное смешение, — по выражению акад. В. В. Виноградова, — языка и стиля». На этой почве легко прививалось немарксистское положение о языке как надстройке и о классовом характере языка. Следовательно, одной из важнейших задач советского языкознания является сейчас четкое разграничение языка и стиля литературных произведений. Выражения «язык Пушкина», «язык Тургенева», «язык Чернышевского» в известной степени условны. При этом имеются в виду прежде всего различные речевые проявления единого, общенародного русского языка. В языке наших великих писателей мы видим образцы применения структурных особенностей и свойств национального языка на определенном этапе его исторического развития, во всем их многообразии и внутренней целостности. Труды И. В. Сталина показали всю несостоятельность противопоставления языка Тургенева или Толстого языку Чернышевского как особых систем, отражающих во всех своих элементах различия классовой природы их творчества.

При исследовании языка писателя особенно важно показать, насколько глубоко, широко и разносторонне использовал он богатства общенародного языка, насколько чутко он был к его внутренним законам и свойствам, что внес он в общую сокровищницу родного языка. Понятно, что такое исследование должно носить исторический характер. Необходимо учитывать особенности общенародного языка эпохи, его отношения к литературной речи того времени.

Но это лишь один из методов изучения языка писателя. С ним переплетается, хотя и не вполне совпадает, другой важный план этого изучения. Писатель использует общенародный язык для того, чтобы с помощью его выразить свои идеи, свои художественные замыслы. Он не может быть безразличен к языку, он отбирает и выбирает из обилия форм языка те, которые нужны ему в данный момент, в данной ситуации для его целей. Понятно, что принципы отбора и выбора языковых средств у данного писателя могут зависеть от разных обстоятельств. Они определяются прежде всего определенной суммой идей, выражаемых в произведении, определенным строем и характером образов. В отборе и выборе писателем языковых средств находят отражение его общие эстетические и общественно-политические взгляды, его воззрения на роль и назначение его литературной деятельности. Поэтому нельзя правильно оценить отношение писателя к общенародному языку, к его различным формам и проявлениям, принципы выбора писателем выразительных средств языка без учета его мировоззрения и общего направления его творчества, нельзя не учитывать общей позиции писателя в классовой борьбе его времени, общественной роли его творчества. Вместе с тем нужно учитывать, что словесно-художественный стиль связан не только с определенными общественно-политическими, философскими и литературными направлениями, но и с личными склонностями и вкусами писателя, формирующимися под влиянием различных факторов, общих и частных, под влиянием определенных направлений в общественной мысли, среды, окружающей писателя, начиная с детских лет, непосредственных наблюдений над жизнью и раздумий над языком народа, определенного круга чтения и т. д. В этом смысле в стиле Чернышевского мы могли бы найти и общие черты, сближающие его с речевой манерой других революционных демократов 60-х гг. — Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Писарева, — и черты, характерные именно для его стиля, для его способа выразить

² См. доклад акад. В. В. Виноградова «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания». Сб. «Материалы Объединенной научной сессии Отд. лит. и яз. АН СССР и АПН РСФСР, посвященный трудам И. В. Сталина по языкознанию», М., 1951, стр. 57—59.

мысли. Важно отчетливо выделить то и другое в характеристике его публицистического и художественного стиля.

Стиль словесного выражения, тесно связанный с определенным использованием общего языка, вместе с тем представляет явление определенной эпохи в развитии литературы и литературной речи, он у всякого выдающегося писателя опирается и на достижения прошлого и на лучший опыт настоящего. Неправильным явилось бы абсолютное противопоставление стиля Чернышевского, при всей его индивидуальной специфике и характеристике для революционно-демократической литературы, стилю других корифеев русской литературы, его современников.

Наконец, степень свободы выбора писателем форм общенародного языка может быть очень различна и зависит от возможностей самой системы языка. Она зависит от наличия синонимически разветвленных и сближенных средств выражения в языке, от языковых норм соответствующей эпохи. Широкие возможности для этого выбора открываются в словарном составе. Напротив, они ограничены в применении к основным структурным особенностям языка, к формам грамматического строя языка. В пределах самой грамматической структуры языка эти стилистические возможности, определяемые наличием синонимически соотносительных форм, гораздо более значительны в отношении синтаксиса, чем в отношении морфологии. Ясно, что исследование языка писателя в стилистическом плане может прежде всего опереться на наблюдения над словоупотреблением в его произведениях и отчасти на изучение синтаксических принципов построения его речи, конкретных особенностей строения и соотношения разных типов синтагм, предложений, периодов в общем контексте его речи. Напротив, при изучении роли писателя в общем движении и развитии языка существенным оказывается не только наблюдение над тем, какой вклад внесло его творчество в словарный состав языка и в какой мере оно способствовало выявлению и определению новых значений и стилистических функций отдельных слов, выражений, но и выяснение того, какое влияние имел его языковой опыт на закрепление, уточнение и дальнейшую шлифовку в литературной речи основных структурных особенностей общенародного языка.

В книге проф. Ефремова не определены отчетливо основные принципы его исследования языка Чернышевского. Отдельные общие выводы часто фигурируют в разных местах его работы, но они не собраны воедино, не сформулированы с необходимой ясностью и определенностью, а нередко и противоречат один другому.

Кроме краткого введения, книга содержит четыре главы (о синтаксических особенностях языка Чернышевского, о его морфологических особенностях, об основных характерных чертах фразеологии Чернышевского и о характерных чертах его лексики). Трудно понять причины именно такого расположения материала. Ставил ли автор перед собою цель дать стилистический анализ языка произведений Чернышевского или хотел определить отношение его речи к общенародному языку, охарактеризовать состояние русского литературного языка в 60-е гг. XIX в. на материале произведений Чернышевского и определить роль Чернышевского в развитии нашего литературного языка? Во всяком случае показательнее было бы начать с анализа словарного состава, как наиболее подвижного элемента в языке, с анализа словоупотребления писателя, в котором проявляются его стилистические устремления и особенности. Ведь различия между языком отдельных писателей в отношении словаря часто оказываются значительными. Употребляя одни и те же элементы основного словарного фонда, писатели отличаются один от другого широтой привлечения отдельных слоев словарного состава языка. Эти особенности мы можем наблюдать в использовании разнообразных элементов экспрессивной синонимии, в привлечении некоторых слов, не являющихся обычными в общем употреблении в литературе их времени, в создании некоторых новых слов на базе слов основного словарного фонда, наконец, в придании новых значений известным словам и в специфическом их осмыслении. Правда, автор заявляет, что «большим своеобразием в языке Чернышевского отличается синтаксис и морфология. Речь, конечно, идет не обо всей синтаксической и морфологической системе языка, тут же оговаривается он, т. е. не обо всем его грамматическом строе, а только о тех моментах, которые наиболее своеобразны и могут быть включены в его «лингвистический спектр» (10)³. Но такое впечатление создалось у автора работы скорее всего потому, что он с гораздо меньшей тщательностью проанализировал словарь Чернышевского, чем отдельные грамматические особенности, отраженные в языке его произведений. Во всяком случае, сам материал, приводимый в разделе морфологии, а отчасти и в разделе синтаксиса, свидетельствует о другом: здесь сравнительно немного таких черт, которые характерны только для Чернышевского и которые не являются общими для грамматики литературного языка того времени. Не так много здесь отличий и от норм языка нашего времени, — гораздо меньше, чем в словаре и фразеологии. Это и понятно, так как вытекает из учения И. В. Сталина о разных темпах изменения словарного состава и грамматического строя.

³ Здесь и далее при цитатах из книги проф. Ефремова цифры в скобках указывают страницы рецензируемого издания.

В кратком введении автор не сделал какой-либо попытки определить методы своего исследования, учесть и критически пересмотреть опыт подобного рода исследований в русской лингвистике и в литературной критике в свете основополагающих трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Мы не можем требовать от автора полного обзора всей истории изучения языка литературы и отдельных писателей, характеристики различных достижений и столь частых ошибок, заблуждений и исканий в этой области до недавнего времени, — это могло бы стать предметом специальной работы. Но наметить основные пути этой разработки, вскрыть наиболее типичные ошибки и заблуждения, имевшие место в прошлом, было крайне необходимо, это придало бы исследованию ясную целеустремленность. Кроме общих ссылок на работы акад. В. В. Виноградова и С. П. Обнорского, а также на давно устаревшую статью Л. П. Лубова, посвященную языку 50—60-х годов, мы не находим в этом введении ничего, что показало бы, как автор учитывает опыт предшествующей работы в данной области и каким путем намеревается идти сам. Правда, к этим вопросам автор вновь возвращается в начале четвертой главы. Но и здесь дана лишь беглая характеристика давно устаревших по своему методу и принципам работ В. Истомина о языке различных писателей XVIII и XIX вв. Автор считает необходимым полемизировать здесь с методом «сплошного статистического обследования словарного состава» (стр. 252 и сл.), выдвигавшимся отдельными учеными несколько лет назад. Но вряд ли подобная полемика актуальна, если учесть, что этот «метод», никогда не имевший под собой серьезной теоретической базы, не получил применения в нашей науке.

Во введении автор пытается кое-что сказать о целях своего исследования. Однако все это звучит очень неопределенно. «Изучение произведений Чернышевского в данной работе ограничено его языковыми особенностями, „лингвистическим спектром“, чем определяются и вопросы связи (чего? — Ю. С.) с системой русского литературного языка той эпохи» (5). Что же подводится здесь под понятие «языковых особенностей» Чернышевского? Как далеко может простирается круг этих особенностей? Можно ли на основании их противопоставлять язык Чернышевского общему языку эпохи или речь идет лишь о различии стилистического употребления элементов общего языка Чернышевским и другими его современниками? Как связать и как разграничить стилистический анализ с собственно языковым? Как объединить исследование стиля Чернышевского, писателя, определенного направления, с анализом общих черт и тенденций языка его эпохи? Что понимает автор под термином «лингвистический спектр», позаимствованным у Н. А. Морозова? Совокупность ли это форм языка, в такой комбинации, как у Чернышевского, не встречающихся (и не могущих составить такую комбинацию) у других писателей или это некоторые приемы характерной для писателя стилистической обработки языкового материала? По каким признакам устанавливается *характерное* для языка Чернышевского? На все эти законные вопросы мы не находим ясных ответов в работе проф. Ефремова. «Для более глубокого и детального изучения... привлекается не случайно бросившиеся в глаза, а только характерное для него (Чернышевского. — Ю. С.), отобранное в результате предварительного «сплошного» обследования всего богатого наследия, и сопоставленное с языком его современников и предшественников» (5). Но читатель хочет заранее знать, надежны ли критерии отбора, однородны ли они, насколько удачен выбор современников и предшественников Чернышевского для данного сопоставления. Автор, однако, не раскрывает тех приемов, которыми он пользуется при определении «характерного» для Чернышевского. На стр. 253 автор возвращается к этому вопросу, но и тут его разъяснения не вносят ничего нового. Вот что он пишет по поводу выявления характерных черт лексики писателя: «не основная масса слов является характерной для данного произведения и для данного писателя, не она именно показывает специфику языка этого произведения, делает более ощутимой связь лексики с близкими и отдаленными традициями, с эпохой, когда жил и творил писатель, указывает на его языковую борьбу, на его языковое новаторство или консерватизм, на место писателя в истории развития литературного языка и его отношение к языковому окружению. Дело, конечно, не в «измах», а в характерном.

Вполне возможно, что в том или ином конкретном случае характерное будет обнаружено в общеупотребительной лексике русского литературного языка, а в «измах» его не будет. Характерное надо найти»⁴.

Опять та же неопределенность. Но тут уже выступают и явные противоречия и несообразности. Было бы очень удобно, если бы представление о языке писателя можно было составить не по всей массе привлекаемых им слов, а по отдельным характерным, т. е. встречающимся только у него словам. Но ведь в таком случае «характерность» понимается скорее в бытовом, чем в строго научном смысле. Строго говоря, каждое слово, использованное писателем-мастером в его произведении, должно быть *характерно*, ибо оно привлечено и играет определенную роль в выражении именно данной

⁴ Разрядка наша. — Ю. С.

мысли автора, его особых замыслов, идей и образов. «Проходные», пустые, бесцветные слова в выдающемся произведении подлинного художника отсутствуют.

Лишено логики утверждение автора, что именно особое, индивидуальное в лексике писателя «делает более ощутимой связь лексики с близкими и отдаленными традициями, с эпохой, когда жил и творил писатель». Писателя связывает с эпохой прежде всего та основная часть словаря, которой пользуется не только он, но и все общество его времени. А с близкими и отдаленными традициями связывает писателя не то, что случайно, индивидуально и преходяще, но то, что устойчиво и общенародно. Что касается места писателя в истории развития литературного языка, то оно, конечно, определяется не только ограниченным кругом излюбленных автором слов и выражений, но и общим отношением его к словарному составу родного языка, его общими успехами в литературной обработке отечественного слова.

Не определив точно ни основных методов исследования, ни связи и соотношения различных целей, которые он ставит перед собой при изучении языка Чернышевского, проф. Ефремов не смог выдержать единого плана в своем исследовании, он постоянно колеблется между различными целями и задачами. Отсутствие же теоретической ясности в вопросе о соотношении общенародного языка и стиля писателя приводит его подчас к ошибкам.

Эти ошибки ясно выступают уже в конце небольшого введения. «Можно утверждать, — пишет проф. Ефремов, — что вся его (Чернышевского. — Ю. С.) *языковая система* (разрядка наша. — Ю. С.) была враждебна тургеневскому стилю. Его позиция может быть квалифицирована как, прежде всего, *антитургеневская*» (6). Как объяснить появление после сталинских трудов по языковедению утверждений, будто бы вся «языковая система» Чернышевского ставит его во враждебные отношения к Тургеневу? Автор работы механически переносит известную полемику революционных демократов круга Чернышевского против либерализма Тургенева и других дворянских писателей в область языковых вопросов, он вольно или невольно отождествляет здесь мировоззрение писателя с его «языковой системой». Можно говорить о различиях в стиле произведений Тургенева и Чернышевского, определяемых в конечном счете разницей в их мировоззрении и определяющих различие в выборе и приемах использования ими отдельных языковых средств. Но даже и противопоставление стилистических приемов Тургенева и Чернышевского не может быть абсолютным. Разве можно утверждать, что стиль Тургенева-реалиста отражает его либерально-дворянские взгляды? Это было бы вульгарным социологизмом. Вот как упрощенно проф. Ефремов характеризует соотношение стиля и языка Тургенева и Чернышевского: «Тургенев отличался гладкостью слога; у него была, пожалуй, даже некоторая, гипертрофия литературности», а Чернышевский не был сторонником гладкости в языке... Тургенев был чуток ко всякого рода „неровностям“ и „шероховатостям“ в языке и почти не допускал отклонений от норм литературного языка... У Чернышевского же эти „неровности“ и „шероховатости“ не редкое явление» (8) ⁵. Можно ли по этим, лишенным всякой конкретности, характеристикам внешних особенностей слога представить себе стиль двух великих русских писателей?

Насколько соответствуют действительности такие определения стиля Тургенева, показывает следующая фраза: «В его стиле нет ни одного резкого, грубого „социально-обидного“ слова или сравнения» (7). Здесь можно было бы напомнить хотя бы беспощадную словесную характеристику Ратмирова в «Думе», резкую, социально-обостренную речевую манеру Базарова и пр. ⁶

Вместо того чтобы повторять слова о «грубости», «шероховатости», «парочитой небрежности» стиля Чернышевского (хотя бы и ставя их в кавычки), автор должен был полнее и рельефнее, на живых, выразительных примерах, показать основные достоинства стиля Чернышевского, его умение найти простые, острые, точные, прямые, суровые и конкретные слова и выражения, чтобы довести до своих читателей революционные и материалистические идеи, его умение, которое так высоко ценил Ленин, проводить любую мысль через рогатки цензуры в формах его «эзопова языка».

⁵ На стр. 46 также находим утверждение о «двух противоречивых языковых тенденциях» Тургенева и «антитургеневца» Чернышевского — к литературной гладкости и к шероховатости.

⁶ Проф. Ефремов пишет: «Не только либералы Тургенев и Кавелин, с их плавной фразой и изысканным, гладким стилем были враждебны стилю Чернышевского, но и далекий от либерализма Л. Толстой с его шероховатым и грубоватым стилем, но и представитель официально-официозной публицистики Б. Чичерин с его корректным и сухо-деловым стилем» (374). Это уже не выдерживает никакой критики ни с историко-литературной, ни с языковедческой точки зрения. Автор ставит имена великих писателей в один ряд с именами ограниченных публицистов 60-х гг., смешивает внешние особенности слога с понятием художественного стиля, выдает поверхностно схваченные и субъективно поданные особенности слога за характеристику стиля писателей и на этом основании противопоставляет «языковую систему» Чернышевского языку Тургенева и Л. Толстого.

Первая глава книги наиболее обстоятельна и богата отдельными наблюдениями. Но и в ней резко обнаруживается разноплановость исследования и неопределенность методологических установок автора. В главе располагаются рядом совершенно различные синтаксические явления. Бегло говорится о том, что может быть отнесено к сфере стилистического синтаксиса (например, соотношение простых и сложных предложений в контексте речи Чернышевского, приемы употребления номинативных предложений, прием дробления, «парцелляции», по выражению проф. Ефремова, сложного предложения, различные виды сочетаний прямой речи с косвенной, авторской речи с речью диалогической, различные, часто очень своеобразные формы несобственно прямой речи, соотношение прямого и обратного порядка слов и т. д.), — т. е. затрагиваются вопросы использования различных синонимических возможностей синтаксиса в строении предложения и периода. Мимоходом затрагивается в этой главе и вопрос о семантико-стилистическом соотношении различных лексико-грамматических категорий в составе предложения (например, о месте и стилистическом назначении определительных слов). Значительная часть главы посвящена вместе с тем чисто грамматическому описанию различных видов словосочетаний (например, отдельных типов управления, предложного и беспредложного).

Все это придает главе характер явной пестроты. Для читателя остается непонятным, в каком отношении находятся эти разнородные факты, с одной стороны, к стилю Чернышевского, с другой — к русскому литературному языку его времени. Стремление охватить возможно большее количество явлений из различных разделов синтаксиса в рамках сравнительно небольшой главы приводит к тому, что ни одно из них не охарактеризовано сколько-нибудь исчерпывающим образом. И в этом разделе наблюдается смешение языковых и мировоззренческих категорий. Так, автор утверждает, будто грамматики того времени составлялись «применительно» к «дворянским лингвистическим вкусам» (11). Совершенно неправомерно автор толкует известное противопоставление Чернышевским своего романа «Что делать?» и произведений Помяловского и Н. Успенского — «сочинениям прославленных наших писателей» (стр. 11—12) как противопоставление его по особенностям слога, языка. На самом деле, речь идет о противопоставлении мировоззренческом, о противопоставлении различных эстетических принципов, различных понятий о художественности. Заключая свои рассуждения о тенденции Чернышевского к усложнению синтаксических конструкций, проф. Ефремов полагает, что в этом «можно видеть, с одной стороны, проявление его „непобедимой склонности подробно анализировать и не менее подробно объяснять... почему так, а не иначе“, что вело к обстоятельно мотивированной фразе, к логизированию синтаксиса и отяжелению фразы, а с другой — отражение его сознательных стилистических вкусов» (16). Думаем, что первое достаточно объясняет указанную синтаксическую особенность произведений Чернышевского. Нет никаких оснований предполагать, что «сознательные стилистические вкусы» Чернышевского почему-то односторонне склонялись к сложным конструкциям. Тем более нет никаких оснований считать, что предпочтение сложных конструкций является одним из устоев демократической стилистики с ее антидворянской направленностью. Это противоречит очевидным фактам (ср., с одной стороны, склонность к отяжелению конструкции у Л. Толстого, а с другой стороны, «уравновешенную», легкую, ясно расчлененную структуру предложения и периода у Писарева и т. д.). Стиль писателя нельзя понять на основе отдельных выхваченных особенностей языка, вне связи с конкретным содержанием его произведений, вне соотношения различных избираемых им языковых средств в общем контексте произведения.

Касаясь применения Чернышевским «гиперболизирующих определителей», по терминологии проф. Ефремова, т. е. эмоционально-напряженных определений, автор не находит ничего лучшего, как ограничиться одной общей фразой: «У Чернышевского была страсть обо всем говорить в тоне высшего напряжения» (61)⁷. Здесь ярко выступает характерный для данной книги недостаток. Стилистический анализ предполагает не простое выделение той или иной языковой особенности, а определение ее функций в конкретных речевых контекстах, определение ее места и назначения в связи с выражением определенного содержания, в связи с другими языковыми элементами, составляющими данную речь. Между тем, именно конкретно-определенные условия, в которых то или иное языковое явление становится стилистически необходимым, мы и не находим обычно в работе проф. Ефремова. Во всяком случае, попытка представить стиль Чернышевского как по преимуществу эмфатический, склонный к высшему напряжению, явно схематична.

В разделе о номинативных конструкциях автор дает интересные примеры довольно частого употребления разнообразных их типов в языке художественной прозы Чернышевского. Он указывает, что эти предложения не являются новостью в русской литературе, но что они особенно разнообразны и многочисленны именно в романах и

⁷ Но ср. на стр. 375: «Конечно, нельзя утверждать, что у Чернышевского всегда проявлялась манера ведения речи в тоне высшего напряжения».

повестях Чернышевского. Однако, вместо того чтобы показать конкретные стилистические мотивы введения таких конструкций у Чернышевского, автор находит нужным противопоставить здесь язык Чернышевского языку дворянской литературы: «Большой бедностью или даже полным отсутствием номинативных конструкций и в авторской речи, и в речи персонажей отличаются сочинения всех дворянских писателей. А у Чернышевского в одном романе «Что делать?» имеется до 60 номинативных конструкций в авторской речи, с разнообразием функций, а некоторые — с синтаксическим усложнением» (74). Что же делало эти конструкции, обычные для общенародного языка, неприемлемыми для дворянской литературы? Что же могло обусловить их «классовую» стилистическую направленность? Что скрывает за собой сам термин «дворянская литература» в этом случае? Покрывает ли он не только реакционно-дворянскую, но и передовую дворянскую литературу? Не только Греча, Сенковского, Ключникова, Е. Маркова, но и Пушкина, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого? Автор нам не разъясняет своих общих определений. Его сопоставления строятся на очень ограниченном материале, без учета конкретных стилистических условий, определяющих появление у того или иного писателя указанных конструкций. К небольшому списку подобных конструкций из произведений писателей 20—50-х гг. (при этом — дворянских писателей!), который дает проф. Ефремов, можно было бы еще прибавить не один пример из Пушкина, Грибоедова, Фета и других, самых различных по своему направлению писателей. Упрощенческий характер подобных противопоставлений и объяснений очевиден.

Переходя к обзору различных особенностей грамматической структуры словосочетания (стр. 79—118), автор переводит свое исследование в новую плоскость. До этого речь шла преимущественно об употреблении тех или других синтаксических конструкций в соответствии с определенными стилистическими замыслами Чернышевского. Теперь, говоря об общих структурных типах словосочетания, автор часто имеет в виду колебания Чернышевского в выборе того или другого из наличных в языке того времени типов словосочетания, в связи с известными колебаниями норм в самом грамматическом строе литературного языка того времени и часто независимо от конкретных стилистических намерений Чернышевского (ср. замечание на стр. 89—90). Автор полагает, что по ряду таких особенностей можно отметить у Чернышевского «большие отклонения от норм литературного языка нашего времени, а частично и от языковых норм 50—60-х гг.» (79). Однако это мнение следует признать сильно преувеличенным. Увлечшись подбором особенного в языке Чернышевского, автор склонен преувеличивать значение и размеры этого особенного. Затененным при этом; оказывается важнейшее положение учения И. В. Сталина о том, что грамматический строй является продуктом ряда эпох, что он развивается медленно, — и что, следовательно, в основном грамматические нормы языка Чернышевского те же, что и в наше время.

Преувеличен в работе проф. Ефремова и удельный вес отклонений языка Чернышевского от грамматических норм языка 50—60-х гг. В большинстве случаев, как показывает сам материал, мы имеем дело с использованием одной из двух возможностей, представленных в самой системе языка того времени, с отражением в языке писатели колебаний в отдельных грамматических нормах, типичных для его эпохи. Это можно сказать и в отношении употребления именительного предикативного вместо творительного, и в отношении различных особенностей управления, отличных от наших норм (например, беспредложное управление у глаголов *надеяться, избавиться, удаляться* и пр.; ср. также постановку винительного или родительного падежа при глаголах с отрицанием, или такие словосочетания, как *играть на театре, касаться до чего, симпатизировать с кем* или *с кем* и т. д.). Подобные колебания мы можем в достаточной мере обнаружить и у других писателей 50—60-х гг. Иногда можно, конечно, отметить некоторое предпочтении, отдаваемое Чернышевским нормам, менее употребительным у других писателей. Но отсюда нельзя делать вывод о том, что это «дань ослабевшей и отмиравшей традиции» (104), что, например, оборот *с на* вместо *в (во)* — «пережиточное явление, имевшее корни в старинном языке» (107). Во всяком случае, автор противоречит самому себе (ср. стр. 89—90), когда утверждает, что в языке Чернышевского и языковой архаика (речь идет о стилистически безразличных, устаревавших вариантах форм словосочетания. — Ю. С.) несет службу революции, как это было у Радищева и декабристов» (119).

Следует отметить отсутствие полной ясности в понимании проф. Ефремовым соотношения старого и нового в грамматическом строе языка. И. В. Сталин обращает наше внимание на постепенное и длительное накопление элементов нового качества в языке и постепенное отмирание элементов старого качества. Учтывая возможность сосуществования в системе языка в ходе его развития элементов нового качества с элементами старого качества, старой структуры, было бы неправильно в каждый данный момент относить элементы старого качества лишь к языковому прошлому, сохраняющемуся по традиции, лишь к явлениям «пережиточного порядка». Они — не раритеты, не постороннее явление языка; они живы и вступают в определенные внутренние соотношения с иными, более новыми явлениями в языковой структуре. Неправильно, например, утверждать, что управление глагола *удовлетворить* дательным падежом существитель-

ного, достаточно представленное еще в языке различных писателей 50—60-х годов, объясняется тем, что «все они следовали традиции XVIII в. и первой половины XIX в.» (99), что обороты с творительным падежом типа *обидеться таким спором* нужно «признать устаревшими, уперевшими в языке Чернышевского под влиянием традиции, идущей от древнего времени» (103). Наличие у Чернышевского (как и у других писателей его времени) творительного причины (*умирать тоскою о свободе*) также не позволяет заключить, что это только «дань ослабевшей и отмиравшей традиции» (104). Ведь все это, вместе с тем, черты грамматической системы, современной Чернышевскому. Вообще необходима осмотрительность в применении по отношению к языку термина «традиция». Ведь наиболее «традиционным» в языке оказывается самое живое, самое постоянное, самое устойчивое, то, что ни с какой стороны нельзя рассматривать как «пережиток».

Характерен и следующий общий вывод, к которому приходит автор, рассмотрев отмеченные синтаксические особенности в языке произведений Чернышевского: «Сопоставления указанных выше особенностей в языке Чернышевского с языковыми данными его современников и предшественников показывают, что автор в языковом отношении был связан как с современной эпохой, так и с традициями» (118; подчеркнуто нами.— Ю. С.). И далее: «Его язык во многих случаях указывает даже на более крепкую связь с языковыми традициями, чем язык Толстого и Тургенева, и не только с ближайшими, идущими от Крылова, Пушкина и Лермонтова, но и с отдаленными, восходящими к XVIII в. и даже к началу нашей письменности» (там же). Противопоставление прошлой «традиции» современному употреблению в этом случае неуместно и лишено реального содержания; автор книги не может утверждать, что эти грамматические формы были невозможны в современном Чернышевскому языке, что он их специально позаимствовал из более древнего состояния языка. Здесь у автора невольно проскальзывает отождествление языка с культурой, где действительно такое разграничение традиций и новых явлений имеет основание. Не случайно все это рассуждение заканчивается следующей недостаточно определенной фразой: «Один из самых образованных людей своего времени, Чернышевский критически усвоил культуру, созданную предшествующими поколениями, в том числе и языковую» (118).

Стремясь поправить дело, в конце главы автор заявляет: «во всяком случае нельзя утверждать, что основа языка дворянина Тургенева и Л. Толстого, с одной стороны, и основа языка разночинца-демократа Чернышевского не одинаковы» (119). Он пишет также: «Все его (Чернышевского) синтаксические отклонения, отражая уходящие из общенационального языка явления, свидетельствуют о том, что язык, хотя и медленно, „совершенствует свой грамматический строй“, на что указывает И. В. Сталин» (120). Но предшествующие рассуждения автора часто шли в другом плане. И потому эти объяснения, совершенно правильные, вступают в противоречие с предшествующим изложением.

Во второй главе рассматриваются различные морфологические особенности языка Чернышевского. Давая интересный материал для иллюстрации известных колебаний в отношении употребления отдельных грамматических форм в литературном языке середины и второй половины XIX в., автор и здесь не разделяет достаточно отчетливо того, что отвечало общим нормам языка (и их колебаниям) в данную эпоху, и того, что связано у Чернышевского с сознательным, обусловленным стилистическими задачами выбором определенного варианта формы. И здесь иногда встречаются упрощенные объяснения. Например, автор книги говорит, что частое употребление у Чернышевского книжных форм превосходной и сравнительной степеней прилагательных на *-ший* характеризует «автора, трибуна революции, с его боевым темпераментом и стилистическими вкусами, в его отношении к действительности» (129). Почему же? Неужели Чернышевский продолжал смотреть на эти формы сравнительной и превосходной степени с позиций стилистики XVIII в., как на особые атрибуты высокого слога? Во всяком случае, этот вывод следовало бы подкрепить внимательным стилистическим разбором подходящих примеров. Следовало бы показать, что употребление этих форм было невозможно в эпоху Чернышевского для людей с иным мировоззрением, с иным отношением к действительности, а также объяснить, почему у Добролюбова, например, указанные формы не встречаются столь часто, как у Чернышевского.

Наблюдения автора над употреблением у Чернышевского отдельных грамматических форм или словообразовательных разрядов не всегда точны, потому что не всегда опираются на достаточно широкие сопоставления с языковым употреблением эпохи, когда жил писатель. Так, например, проф. Ефремов выделяет язык Чернышевского по преобладающему употреблению в нем форм существительных с отвлеченным значением из *-ие* (*-ние*), а не на *-ье* (*-нье*). Но, перечисляя формы на *-ние*, он указывает преимущественно на такие из них, которые были и сейчас являются господствующими в языке прозы (ср. *содержание, изумление, желание, участие* и т. п.). Из всего приводимого им списка только слово *счастье* употребляется теперь в иной форме; однако во времена Чернышевского вариант *счастье* был обычным в книжной практике. Не представляет ничего особенного в языке Чернышевского и употребление таких слов, как *защипывание, отменение, запущение* и т. п. Эти формы были ходовыми не только

в первой половине XIX в., как пишет автор (стр. 166), но и в книжной речи 60-х гг. (даже у Писарева, не любившего некоторые книжные формы). Не являются также характерным только для языка Чернышевского и Салтыкова-Щедрина и формы существительных, образованных от глаголов совершенного вида (*пересаживание, обеление* и т. п.). Необоснованно считает проф. Ефремов архаическими в языке Чернышевского такие формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода, как *томы, адреса* (форма *адреса* закрепилась в употреблении лишь к концу XIX в.). Архаическими в языке Чернышевского он неправоммерно считает и формы *тоны, папороты, служистели* (неясно, в каком значении?), *директоры*. Ведь от всех этих слов в 60-е гг. возможны были формы именительного падежа множественного числа на *-ы* и на *-а*; ни та, ни другая форма не являлась безусловной нормой; первые формы (на *-ы*) в книжной речи были даже предпочтительнее.

Проф. Ефремов видит какую-то стилистическую преднамеренность в употреблении Чернышевским слов с приставкой *не-*, «значение которой осознается в них» (151). И рядом с формами типа *непитие, невыдача, несмение, нежитие* дает такие обычные и нейтральные, как *невыгода, нелюбовь, неприщипка* и даже *ненависть*.

Автору часто недостает историзма в характеристике отдельных грамматических форм, употребляемых Чернышевским. Выводы автора об их особой характерности для Чернышевского в этих случаях повисают в воздухе из-за отсутствия широкого сопоставительного фона, а при проверке не подтверждаются фактами. Не всегда ясно, что из особенностей, отмеченных автором, является особенностью лишь сравнительно с нашим современным употреблением и что противостоит обычному или еще привычному употреблению 60-х гг.

Две последние главы работы являются самыми неудачными. Если в первых главах, при отсутствии в них единого, точного метода исследования и при неправильности или недоказанности многих конкретных выводов, автор все-таки дает обильный и разнообразный материал, то в последних главах ко всем другим недочетам прибавляется и явный недостаток материала. Словарно-фразеологический состав произведений Чернышевского представлен случайными и разрозненными примерами. Проф. Ефремов пытается даже в известной степени теоретически оправдать это меньшее свое внимание к словарю Чернышевского: «С точки зрения автора, в языке Чернышевского грамматический спектр отличается большей четкостью и определенностью и дает более ощутимые и, так сказать, более осязательные критерии для установления авторства в отношении его различных безымянных работ. По сравнению с ними менее говорящими и убедительными являются данные лексико-фразеологического спектра» (184). Мы не знакомы с теми неопубликованными работами проф. Ефремова, в которых он, на основе определенного им «лингвистического спектра», устанавливает в отношении некоторых анонимных произведений авторство Чернышевского. Мы полагаем, однако, что на основе тех грамматических особенностей, которые выдвигает проф. Ефремов как важнейший элемент этого «спектра», было бы трудно это установление авторства провести и доказать. Судить о принадлежности тому или иному писателю той или иной работы по языковым ее особенностям можно, но для этого нужно опираться на глубокие и разносторонние сведения о стиле этого писателя. А в стиле любого писателя выбор слов и выражений и принципы их группировки и объединения в речи имеют важное, часто определяющее значение.

Нет необходимости подробно останавливаться на главе, посвященной фразеологии Чернышевского. Она лишена какого-либо теоретического стержня и содержит довольно ограниченные сведения об использовании Чернышевским отдельных пародных пословиц и поговорок, литературных цитат, выражений иностранных источников и т. д. Конечно, основные понятия фразеологии еще мало раскрыты в нашей лингвистической литературе. Тем более надо пожалеть, что автор, готовя книгу к печати, прошел мимо теории русской фразеологии, изложенной в работах акад. В. В. Виноградова. Не ясны в этой главе самые принципы классификации фразеологического материала. Необычайно емким и неопределенным, например, оказывается у автора понятие поговорок, включившее в себя и такие просторечно-разговорные устойчивые словосочетания, как *повесить нос, водить за нос* и т. п. Непонятно, зачем понадобилось автору специально уделять внимание игровой фразеологии (вообще очень слабо и бледно представленной у Чернышевского), объединив ее при этом в одном разделе с устойчивыми оборотами сказочно-песенного происхождения. В этой же главе говорится и о некоторых характерных приемах объединения слов, создающих в речи Чернышевского известные смысловые и стилистические группы. Без сомнения, приемы использования в стиле Чернышевского устойчивых выражений общепародного языка и принципы тесной семантико-стилистической спайки слов в контексте его речи — вещи не равновеликие и не однородные. Каждая из них достойна быть предметом специального анализа.

На недостатках лексикологической главы книги следует остановиться несколько подробнее. Понятно, что перед исследователем словаря Чернышевского стояли очень трудные задачи — и потому, что словарный состав у Чернышевского, по верному замечанию проф. Ефремова, «поражает широтой диапа-

зона», и вследствие неразработанности многих лексикологических проблем. Нельзя требовать от проф. Ефремова, в работе которого обзор и анализ лексики Чернышевского составляет лишь небольшую часть, чтобы он дал исчерпывающее ее описание. Но нужно было, во всяком случае, выделить наиболее существенные для понимания работ Чернышевского элементы лексики и исследовать их более обстоятельно. Несомненно, например, особый интерес представляет в данном случае лексика научно-философская, общественно-политическая и социально-экономическая. Ограниченная по своему объему, эта лексика является показательной и важной для Чернышевского — великого революционера, критика, философа и экономиста. Между тем, раздел, посвященный проф. Ефремовым анализу указанной лексики, чрезвычайно скуден и мало содержателен. Его сведения из истории отдельных слов, на фоне которой нужно было раскрыть место Чернышевского в процессе формирования этой терминологии, не отличаются ни полнотой, ни точностью. Проф. Ефремов подвергает разбору употребление лишь шести слов: *патриотизм*, *публицист*, *пролетарий*, *справедливость*, *польза* и *добро* (последние три — в связи с теми философскими понятиями, которые связывает с этими словами Чернышевский). Здесь мы ожидали бы видеть разбор и других слов, в определении терминологических значений которых на русской почве Чернышевский сыграл значительную роль: *буржуазия*, *капитал*, *труд*, *либерал* и *либерализм*, *нация* и др. Чрезвычайно интересный материал дал бы анализ тех особых значений, которые приобретали в революционно-демократической публицистике 60-х гг. такие слова, как *авторитет*, *метафизика*, *огранитель*, *отрицание* и пр. Для понимания текстов Чернышевского очень важно также изучение особых скрытых, «эзоповских» смыслов, которые у него, так же как и у других революционно-демократических писателей, вкладывались в слова и словосочетания с самым общим значением, например, *дело*, *свезжий*, *честный*, *мыслящий*, *реальный*, *новые люди*, *свистеть* и т. п. Но всего этого нет в работе проф. Ефремова. Не находим мы здесь и попытки установить в языке Чернышевского синонимические ряды слов, выражающих различные оттенки одних и тех же, важных для публицистики Чернышевского понятий.

Есть здесь и отдельные неточности и ошибки. Так, проф. Ефремов полагает, что слова *патриотизм* еще не было в XVIII в., что вместо него даже в первой половине XIX в. употребляли слово *отечестволюбие* или словосочетание *любовь к отечеству*. Но слово *патриотизм* встречается еще в статье Карамзина «О любви к отечеству»; в письмах Суворова за 1791 г. встречаем другой, устаревший вариант этого слова — *патриотство*.

Весьма неопределенны те семантические этюды, которые дает в этой главе проф. Ефремов. Особенно часто смешивает он значение слова с понятием, общее значение слова с его особым осмыслением у отдельных лиц или в отдельных направлениях. Смешение значений слов с понятиями находим в замечаниях по поводу слов *справедливость*, *польза* и *добро* (стр. 261—262). Автор смешивает значение слова с разными дополнительными оттенками, вносимыми контекстом (например, при анализе значений прилагательного *простой*).

Уделив мало места анализу лексики, имеющей существенное значение в публицистике Чернышевского и требующей своего исторического истолкования, автор довольно подробно говорит о славянизмах, об устаревших и иностранных словах у Чернышевского. У читателя опять может создаться впечатление, что славянизмы, иностранные и устаревшие слова занимают очень большое место в словаре Чернышевского. На самом деле, многие слова, которые автор считает архаическими раритетами, поддерживаемыми Чернышевским, еще имели распространение в книжном языке его времени (ср. *почитать* = считать или *худо* = плохо и др.). Нельзя согласиться и с выводом автора, о том, что у Чернышевского имеет место «обилие иностранных слов» (326). Это можно утверждать только в том случае, если подходить к данным словам с отвлеченно-этимологической точки зрения. Ведь большая часть этих «иностраннных» слов относилась к числу слов, общеупотребительных в эпоху Чернышевского, а употребление значительной части их было вызвано самим содержанием статей Чернышевского, столь часто затрагивающих события истории и явления быта других народов, вопросы международной политики и т. п. Весь этот раздел об иностранных словах отличается противоречивыми формулировками и представляет собой своеобразное «оправдание» якобы очень частого употребления иностранных слов у Чернышевского. Сравнительно с описанием иностранных слов в языке Чернышевского (около 40 страниц) гораздо меньшее место занимает раздел, посвященный употреблению разговорной и просторечной лексики (22 страницы), хотя разнообразное использование этой экспрессивной лексики живого общенародного языка составляет важную черту стиля Чернышевского. Нельзя не отметить и устарелость принятой здесь автором терминологии. Так, например, говоря о «демократизации литературного языка», автор пишет: «в языке Чернышевского слой *народной* лексики невелик» (349). Это свидетельствует о том, насколько легкомысленно отнесся автор книги к ее содержанию и общим формулировкам, издавая ее в неисправленном виде после появления трудов И. В. Сталина по языкознанию. В этом разделе мы не находим никаких общих соображений автора о том, по каким признакам он относит то или иное

слово к разговорной или просторечной лексике. Так, к разговорному просторечию в современном нам употреблении, без всяких на то оснований, отнесены такие слова, как *пoutру, занемочь, сужоцаый* и т. д. (стр. 362—363).

Мы указали на важнейшие общие и некоторые частные ошибки проф. Ефремова в работе о языке Чернышевского. Конечно, нельзя не отметить и известных достоинств работы: она является результатом длительного труда и в ней (особенно в главах по синтаксису и морфологии) приведен большой материал из произведений Чернышевского, никем другим не собранный и не описанный. Имеются в работе верные и ценные замечания и наблюдения.

Однако в целом работа уже не может теперь удовлетворить читателя. Она далека от тех требований, которые поставлены перед советскими лингвистами трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания. Она не дает ясной и полной картины того, что представляет собой стиль Чернышевского. Она не определяет той роли, которую Чернышевский сыграл в совершенствовании и обогащении нашего литературного языка, в развитии языка публицистики, в развитии и уточнении научно-философской и общественно-политической терминологии. Рассеяв свое внимание по разным направлениям, автор не смог дать правильной характеристики языкового мастерства и выдающихся особенностей языка произведений Чернышевского.

Мы не склонны винить автора за то, что он не смог в условиях теоретической неразберихи, порожденной засилием марровского «учения» о языке, самостоятельно найти правильный выход при решении трудной задачи и отразил в своей книге некоторые теоретические ошибки, характерные для недавнего прошлого. Мы только потому так строго судим об этой неудачной книге, что автор поспешил ее опубликовать, сохранив почти все старые недостатки, тогда как он должен был основательно ее переработать и улучшить. Автор не положил в основу своей работы руководящих идей сталинского учения о языке. В слепке сн ограничился только формальным цитированием некоторых мест из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В результате появилась книга, которая устарела еще до своего выхода в свет и никак не может удовлетворить интереса советского читателя к языку и стилю Чернышевского⁸. Задачей автора является коренная переработка его книги в свете основных положений сталинского учения о языке. Используя собранные им материалы, автор может дать советскому читателю интересное, полноценное и методологически правильное исследование о языке Чернышевского. В ходе этой переработки автор должен, по нашему мнению, не только исключить отдельные неточные, ошибочные или двусмысленные формулировки, отдельные неудачные или непоказательные примеры и т. д., но и существенно изменить общий план книги, порядок изложения отдельных тем, четко разграничить различные аспекты исследования и дополнить свое изложение необходимыми новыми материалами. Общая задача, которую автор должен поставить перед собой, — отчетливо и строго определить основные цели и направление своего исследования языка Чернышевского, разграничить сферы исследования и показать специфику историко-лингвистического и собственно стилистического его изучения. В ходе общего историко-лингвистического исследования автор должен дать более полный и разносторонний обзор особенностей языка Чернышевского на фоне состояния общенародного языка его эпохи, с точным учетом норм, характерных для литературной речи этого времени, и общего соотношения различных стилей литературной речи.

Важнейшим при этом является вопрос о том, что использовал писатель из всего разнообразия наличных форм общенародного языка; как отразилось в языке его произведений общее состояние литературного языка его времени, его устойчивые и колеблющиеся или недостаточно установившиеся нормы; что внес писатель нового в литературный язык, используя структурные возможности общенародного языка и различные стилистические возможности литературной речи, и в каких отношениях его языковой опыт оказался поучительным и влиятельным в общем движении и развитии литературного языка; наконец, каковы были источники того нового, что внес писатель в общую систему литературного языка. В этом плане должны быть существенно расширены разделы лексики и фразеологии. Словарь Чернышевского весьма богат; нужно показать это его разнообразие и богатство, выделив то, что, будучи показательным для Чернышевского, вместе с тем оказалось важным и в ходе развития словарного состава литературного языка и его основных стилей. В этом смысле гораздо более обстоятельного исследования, чем это дано в книге проф. Ефремова, заслуживает использование в художественных и публицистических произведениях Чернышевского разнообразной экспрессивной синонимии, восходящей к бытовой разговорной речи. Надо на убедительных примерах показать, как Чернышевский, следуя по пути, проложенному Белинским, делает язык публицистики простым, доступным, энергичным и определенным, своеобразно и ярко применяет слова и выражения разговорно-просторечного характера. Еще более углубленного изучения заслуживает общественно-

⁸ Нельзя не отметить и множества незамеченных опечаток в книге, особенно в ссылках на цитируемую литературу.

политическая и научно-философская терминология Чернышевского, характеристика его роли в развитии этой терминологии, в выработке точного «языка понятий». Скупные замечания, данные по этой части в работе А. Ф. Ефремова, должны быть углублены, дополнены и расширены. Современный читатель нуждается в точном филологическом комментарии к определенному кругу терминов, употребляемых Чернышевским не всегда в тех значениях, которые закрепились за ними в наше время. Нужно отчетливо показать, как отражаются у Чернышевского изменения в словарном составе, падающие на эпоху 50—80-х годов XIX в.: появление новых слов, вызванных к жизни развитием производства, общественно-политических отношений, культуры и науки (отчасти затем вошедших и в основной словарный фонд); развитие в связи с этим некоторых новых словообразовательных типов; закрепление за известными словами новых значений, часто очень существенных и в некоторых случаях отеснивших на второй план их старые значения; развитие на основе прочных смысловых объединений слов в речи новых фразеологических единств и т. п. Показать характерные группы и типические примеры новой фразеологии, популярной в произведениях демократической литературы этого времени, — одна из существенных задач такого исследования.

В описании грамматических особенностей языка произведений Чернышевского и, в особенности, синтаксиса (вопросы соотношения различных типов словосочетаний, различных видов предложений и периодов, синтаксических обособлений, порядка слов и т. д.) надо показать роль Чернышевского в совершенствовании грамматических правил русского литературного языка на фоне присущих тогда литературной речи отдельных колебаний и противоречий.

Как при изучении словарного состава, так и при изучении грамматики языка произведений Чернышевского, важнейшей задачей является точное определение соотношения старого и нового, устойчивого и подвижного или колеблющегося, отчетливое выделение, во-первых, того, что совпадает с основными структурными особенностями общепризнанного языка, является в нем устойчивым; во-вторых, того, что отделяет язык Чернышевского, как и вообще литературный язык его эпохи, от языковых норм нашего времени; в-третьих, того, что составляет особенность языка Чернышевского, его отношения к известным (не всегда достаточно единообразным и определенным) нормам языкового употребления его времени.

Понятно, что выполнение этой задачи предполагает привлечение более широкого материала для сопоставления, материала, извлеченного не только из грамматик и словарей того времени, но прежде всего из произведений различных жанров литературы, писателей различных направлений и с различными художественными индивидуальностями. Только идя по этому пути, давая подлинно историческую оценку фактов, можно избежать досадных ошибок, неточностей, пропусков или преувеличений.

При выборе, группировке и анализе языковых фактов в ходе исследования необходимо разграничить и выделить в языке писателя факты существенные и эпизодические, в известной степени случайные. Необходимо всегда иметь в виду особые условия контекста, обращения к определенным специальным темам, и специфические стилистические задачи, которые делают необходимым употребление тех или иных форм, слов и выражений.

Что касается изучения языка писателя в связи с характеристикой его стиля во всем его многообразии, то здесь основной задачей является установление конкретных принципов и условий выбора языковых средств, определение того, чем продиктовано применение в данном контексте тех или иных форм языка, какую функцию они несут в общем развитии повествования, выяснение приемов их объединения в контексте и их расположения в ходе раскрытия темы. Понятно, что задачи такого анализа более сложны и многообразны. Необходимым условием его является учет жанрового и тематического своеобразия произведения, его идейно-художественной основы, структуры его художественных образов, соотношения авторского изложения и диалога, приемов индивидуализации и типизации персонажей, композиционного соотношения отдельных частей произведения и т. д. Автор исследования о языке Чернышевского, повидимому, не ставил своей целью дать развернутую характеристику стиля Чернышевского. Этого мы и не вправе от него требовать, поскольку и задачи изучения роли писателя в общем развитии литературного языка достаточно сложны и значительны. Плохо лишь то, что разрозненные стилистические наблюдения (лишенные необходимой тонкости и обстоятельности) иногда вторгаются в область собственно языковых наблюдений, а это подчас приводит к смешению языковых и стилистических понятий, к неправильным выводам о языке Чернышевского в целом. Отсюда либо бездоказательное приписывание особых стилистических мотивировок нейтральным, обычным формам литературного языка, употребляемым Чернышевским, либо рассмотрение в качестве форм, характерных для общей «языковой тенденции эпохи», явлений, обусловленных в языке Чернышевского специфическими стилистическими мотивами. Эти ошибки и противоречия необходимо устранить.

Советская наука должна дать читателю разностороннее, точное и подлинно марксистское описание и характеристику языка и стиля великого революционного демократа.

Ю. С. Сорокин